

ПАТРИЦИО

— И —

ДЕМОН БЕДНОСТИ

ПРИТЧА О ТРУДЕ,
ЧЕСТНОСТИ И СИЛЕ СОЗИДАНИЯ

— ПРИТЧИ КОТА —

Притчи Кота Патрицио и демон бедности. Притча о труде, честности и силе созидания

<https://litres.ru/74216012>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он поклялся уничтожить демона по имени Бедность.

Патрицио — сын кузнеца из маленького городка Углеград. Он знает цену труду, честности и справедливости. Когда жадность чужака разрушает его город, а отец оказывается на грани смерти, Патрицио не просит помощи — он берёт молот и поднимает людей с колен.

Он побеждает не золотом, а верой. Не силой, а трудом.

Но демон бедности не умирает. Он ждёт. Он питается страхом, ленью и отчаянием. Чтобы победить его, Патрицио отправляется в путь — через города, где люди потеряли надежду, через системы, где царят ложь и несправедливость.

Это притча о том, что богатство начинается в голове и руках, а не в кошельке. История о силе созидания и о том, как один человек может изменить мир, если готов работать, верить и вести за собой других.

Книга для тех, кто ищет смысл, цель и веру в собственные силы. Для тех, кто устал ждать чуда и готов создавать его сам.

Демон не побеждён окончательно. Но теперь у него есть враг.

Содержание

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОЧТИ ПОГЛОТИЛ ДЕМОН	5
Глава 1. Искра в кузнице	5
Глава 2. Город, построенный руками	12
Глава 3. Цена доверия	19
Глава 4. Мелкий шрифт	27
Глава 5. День, когда остановились печи	37
Глава 6. Болезнь отца	48
Глава 7. Последняя ночь отчаяния	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Притчи Кота Патрицио и демон бедности. Притча о труде, честности и силе созидания ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОЧТИ ПОГЛОТИЛ ДЕМОН

Глава 1. Искра в кузнице

Ветер с северных хребтов приносил запах мокрого камня и сосновой смолы, но внутри кузницы Торбена эти запахи исчезали, раздавленные жаром горна и тяжелым дыханием мехов. Здесь пахло иначе: раскалённым железом, потом, угольной пылью и чем-то вечным, что не поддавалось описанию словами. Это был запах созидания. Запах будущего, которое куют здесь и сейчас, удар за ударом.

Мальчику было семь лет, когда он впервые увидел, как рождается клинок.

Отец держал крицу длинными щипцами, и она светилась

оранжевым, как закатное солнце, которое случайно упало в наковальню. Мышцы на его плечах вздувались, когда он поднимал молот. Удар. Искры разлетались веером, оставляя на кожаной броне отца маленькие дымящиеся точки. Удар. Ещё удар. Металл пел, подчиняясь воле человека.

— Смотри, Патрицио, — сказал Торбен, не оборачиваясь, но чувствуя присутствие сына за спиной. — Видишь этот цвет?

— Оранжевый, — ответил мальчик, переминаясь с ноги на ногу.

— Нет, — отец коротко усмехнулся и опустил молот. — Цвет — это ложь. Видишь его душу? Она просит формы. Она хочет стать не просто куском железа, а защитой, силой, опорой. Мы не делаем вещи, Патрицио. Мы помогаем им стать теми, кем они должны быть.

Он сунул заготовку обратно в горн, и пламя лизнуло металл с жадностью голодного зверя. Мальчик подошёл ближе, ощущая кожей лица сухой обжигающий жар. В горне, среди углей, ему чудилось что-то живое. Оно дышало, оно ждало.

— Почему ты работаешь, когда другие отдыхают? — спросил Патрицио, глядя, как отец снова вынимает раскалённый клинок.

Торбен замер на мгновение. Он поставил заготовку на наковальню, выпрямился и посмотрел на сына. В его глазах отражался огонь, но сам взгляд был холодным и ясным, как горная река.

— Потому что я знаю, что такое голод, — сказал он тихо, почти шёпотом, заглушаемым треском углей. — Я знаю, что такое смотреть, как твоя мать делит одну лепёшку на троих, и делать вид, что ты сыт. Я не хочу, чтобы ты это знал.

Он поднял молот.

— Я работаю не потому, что должен. Я работаю потому, что хочу жить в мире, где голод — это выбор, а не судьба.

Первый удар оглушил Патрицию. Второй — заставил его сердце биться в такт стали.

Так началось его обучение.

—

Прошло три года. Патрицию уже не просто смотрел. Он держал щипцы, когда руки отца уставали. Он раздувал меха, пока лёгкие не начинали гореть. Он учился чувствовать металл кончиками пальцев, различать оттенки нагрева по цвету, который отец называл «языком железа».

— Слабое железо кричит, — учил Торбен, показывая на трещину в бракованной заготовке. — Оно говорит: «Я не хочу быть клинком, оставь меня в покое». Но мы не берём слабое железо. Мы ищем то, что молчит. То, что терпит и ждёт. Сила — это не крик. Сила — это тишина, которая выдерживает тысячи ударов.

Город Углеград жил этой философией. Название дали ему не за уголь — его добывали в соседних шахтах. Название отражало суть: здесь всё проходило через огонь. Кузницы, плавильни, горны. Дым над крышами стоял столбом, и изда-

лека город казался чёрным драконом, припавшим к земле. Но внутри, в его груди, билось горячее сердце труда.

Здесь не было знати, которая сидела в каменных замках. Здесь были мастера. Каждый кузнец знал каждого пекаря. Пекарь знал кожевника. Кожевник знал плотника. Они обменивались не просто товарами — они обменивались жизнью. Если у кого-то сгорала мастерская, весь город скидывался на восстановление. Если рождался ребёнок, женщины приносили печенье и ткани. Если кто-то умирал — все шли за гробом.

Так было принято.

Так было правильно.

И Торбен был одним из уважаемых людей. Его кузница стояла на главной площади — не потому, что он купил это место, а потому что люди сами попросили его остаться здесь. «Мы хотим видеть, как работает честность», — сказал тогда старый бургомистр, и эти слова Торбен запомнил на всю жизнь.

Он не обманывал. Он не завышал цену. Он говорил клиенту правду: «Этот нож простоит три года, а потом сломается. А этот — двадцать. Выбирай по кошельку, но знай, что я не продаю иллюзий».

Люди платили больше и возвращались снова. Потому что в мире, где жадность правила бал, Торбен был исключением. Он был тихой гаванью.

Патрицио рос в этой атмосфере. Он видел лица людей, которые приходили к отцу. Бедные землепашцы с зазубренными серпами. Зажиточные торговцы, заказывавшие подковы для лошадей. Молодые парни, мечтавшие о мечях. Старухи, чинившие старые котлы.

И всех их объединяло одно: надежда.

Они приходили сломанными, а уходили целыми. Не только вещи становились цельными — души тоже распрямлялись.

— Сын, — сказал однажды Торбен, когда Патрицио помогал ему точить лемех для плуга. — Ты знаешь, почему я не стал богатым?

— Потому что ты не завышаешь цены? — предположил Патрицио.

— Нет, — усмехнулся Торбен. — Я не стал богатым, потому что богатство не было моей целью. Моя цель была другой. Я хотел, чтобы каждый, кто войдёт сюда, чувствовал себя человеком. Это дороже денег.

Он помолчал, вытирая пот со лба.

— Но есть кое-что, что я тебе скажу, и это важно. Бедность — это не просто когда нет денег. Бедность — это когда человек теряет веру в то, что он может что-то изменить. Самый страшный нищий — не тот, у кого пуст карман, а тот, кто перестал верить в свои руки.

Патрицио слушал, впитывая каждое слово, как сухая земля впитывает дождь.

— Я хочу, — продолжил Торбен, глядя в огонь, — чтобы ты запомнил: пока человек работает, он жив. Пока он создаёт — он свободен. Демон бедности не боится золота. Он боится людей, которые работают вместе.

—

Вечерами, когда кузница остывала, а последние угли догорали пеплом, Патрицио выходил на улицу и смотрел на город. Огни зажигались один за другим — в окнах домов, в фонарях, в кузницах, которые работали даже ночью. Углеград не спал. Он дышал. Он жил.

И Патрицио видел это. Видел людей, которые несли домой хлеб. Видел детей, которые бегали по мостовой, смеясь и толкая друг друга. Видел стариков, сидящих на лавках и обсуждающих урожай. Это был мир, который построили они. Своими руками. Своим потом. Своей верой.

— Когда я вырасту, — сказал он себе в ту ночь, глядя на звёзды, которые мерцали сквозь дым, — я сделаю так, чтобы везде было так же. Чтобы ни один человек не просыпался с мыслью, что он бесполезен. Чтобы все работали и все радовались.

Он не знал тогда, что это желание, рождённое в сердце семилетнего мальчика, поведёт его через города и страны. Что он встретит предательство, потерю и ложь. Что демон бедности покажется ему во весь рост, улыбнётся и скажет: «Ты не победишь меня».

Но тогда, в ту ночь, он просто смотрел на огни и верил.

— Я сделаю это, — прошептал он. — Клянусь.

Искра в кузнице Торбена погасла. Но искра в душе мальчика разгоралась.

Так начинался путь человека, который назвал бедность своим врагом.

Глава 2. Город, построенный руками

Двенадцать лет пролетели, как один удар молота.

Углеград, который Патрицио помнил маленьким поселением из двух десятков кузниц и одной хлебной лавки, теперь раскинулся на три холма. Его улицы вымостили булыжником, который привозили из каменоломен за рекой. На главной площади, где раньше стояла лишь кузница Торбена, теперь высилось здание городской ратуши — не каменный замок, а крепкое деревянное строение с широкими окнами, за которыми по вечерам горели свечи. Там заседал Городской Совет, куда входили самые уважаемые мастера.

И Торбен был среди них.

Он постарел. Волосы его, когда-то чёрные, как уголь, теперь тронула седина, а морщины на лице стали глубже — не от старости, а от бессонных ночей, когда он думал о городе, о людях, о том, как сделать их жизнь лучше. Но руки его остались сильными. Молот он всё ещё держал так же твёрдо, как и в молодости.

— Ты много работаешь, отец, — сказал Патрицио однажды утром, застав Торбена за разборкой старых запчастей. — Тебе стоит отдыхать.

Торбен поднял глаза. В них всё ещё горел тот же свет, что и много лет назад.

— Отдыхать? — переспросил он, усмехнувшись. — Когда

я могу отдыхать, если вон там, — он махнул рукой в сторону восточного квартала, — кузнец Грегор остался без заказа и не знает, чем кормить троих детей? А в южной части плотники пытаются починить мост, а у них ни гвоздя, ни доски? Отдых — это для тех, кто сделал всё. Мы ещё не сделали всё, Патрицио.

Патрицио покачал головой, но спорить не стал. Он знал отца: Торбен был одержим идеей, что Углеград может стать примером для всего мира. Городом, где бедность будет не проклятием, а просто словом, которое никто не помнит.

И Патрицио разделял эту веру.

Он вырос и стал не просто помощником отца — он стал его правой рукой. В двадцать лет Патрицио уже знал все тонкости торговли: как оценить металл, как договориться с поставщиками, как определить, кто врет, а кто говорит правду. Он изучал не только кузнечное дело, но и бухгалтерию, и право. Он знал, что сила кузнеца — не только в молоте, но и в голове.

— Чтобы победить бедность, — говорил он отцу за вечерней трапезой, когда они сидели в тепле их небольшого дома, — нужно не просто делать вещи. Нужно, чтобы каждый мог делать вещи сам. Иметь работу, иметь возможность продать свой труд, иметь доступ к знаниям.

— Верно, — кивал Торбен, нарезаая хлеб. — Но есть одно "но". Знания бесполезны, если люди боятся их использовать. Бедность — это ещё и страх. Страх ошибиться. Страх поте-

рять последнее. Страх попробовать новое.

Патрицио задумался. Он вспоминал, как люди в городе смотрели на отца. С уважением, но с какой-то робостью. Они приходили к нему за советом, как к старшему, как к мудрецу, но редко брали инициативу сами.

— Как это изменить? — спросил Патрицио.

— Начни с малого, — ответил Торбен, ставя кружку с водой на стол. — Покажи им, что они могут больше. Не говори — делай. Построй что-то, что они увидят своими глазами. Тогда они поверят.

—

И Патрицио начал.

Он не стал просто торговать — он начал учить. В кузнице отца он создал небольшую школу, куда приходили молодые парни и девушки, чтобы узнать, как работать с металлом. Он не брал платы. Он говорил им: «Вы научитесь — и сможете кормить себя и свои семьи. Ваши дети будут есть хлеб, который вы заработали своими руками. Это лучше любого подаяния».

Молодёжь шла. Сначала робко, оглядываясь, потом всё смелее. Скоро кузница Торбена стала не просто местом, где коуют железо — она стала местом, где коуют судьбы.

— Патрицио! — крикнул как-то Томас, молодой парень с рыжими волосами и веснушками, натягивая кожаный фартук. — Ты говорил, что мы можем сделать лемех для плуга. Покажи ещё раз, как держать молот.

Патрицио улыбнулся. Он подошёл к нему, поправил хват, показал, как нужно бить — не с силой, а с точностью.

— Молот — это продолжение твоей руки, — сказал он. — Ты бьёшь не железо. Ты разговариваешь с ним. Понял?

Томас кивнул, и в его глазах загорелся огонь. Тот же огонь, что Патрицио видел в глазах отца много лет назад.

В тот вечер он сидел на крыльце дома и смотрел на город. Огни Углеграда уже не просто горели — они пульсировали жизнью. Повсюду слышался стук молотов, свист пил, голоса людей, которые что-то строили, чинили, создавали. Город был похож на огромный муравейник, где каждый знал своё дело и делал его с душой.

— Ты счастлив? — спросил Торбен, садясь рядом с сыном.

Патрицио повернулся к отцу. Лицо Торбена, изрезанное морщинами, освещалось мягким светом луны.

— Я счастлив, когда вижу их счастливыми, — ответил Патрицио. — Но я знаю, что это только начало. За горами — другие города. Там тоже есть бедность. Там есть люди, которые страдают не потому, что не умеют работать, а потому что их лишили возможности работать.

Торбен долго молчал. Потом положил руку на плечо сына.

— Когда-то я сказал тебе, что моя цель — не богатство, а человечность. Ты понял это глубже, чем я. Ты хочешь дать людям не вещи — ты хочешь дать им свободу. Это высшее, что может сделать человек.

Он помолчал.

— Но помни: свобода — это ответственность. Когда ты дашь людям инструменты и знания, ты не можешь требовать, как они их используют. Они будут ошибаться. Некоторые будут лениться. Некоторые предадут. Ты готов к этому?

Патрицио посмотрел на отца. В его глазах не было страха.

— Готов, — сказал он. — Потому что я верю: больше тех, кто хочет работать, чем тех, кто ищет лёгкий путь. Я знаю это.

—

Шли годы. Углеград рос. Теперь в нём жило больше трёх тысяч человек. Торговые караваны, идущие с севера на юг, выбирали именно этот город для ночлега: здесь были хорошие цены, крепкие товары и честные люди. Слава о Торбене и его сыне шла впереди их.

Но с ростом приходили и новые проблемы.

Город стал привлекать не только честных мастеров. Появились те, кто хотел нажиться на чужом труде. Ростовщики, перекупщики, те, кто скупал товары за бесценок, а продавал втридорога. Они действовали тихо, не нарушая законов, но подтачивая основы города.

Однажды в кузницу зашёл незнакомец.

Он был высок, одет в дорогой плащ из тёмного бархата, а на пальцах его сверкали перстни. Он оглядел кузницу с лёгкой усмешкой, как будто оценивал старую, не очень ценную вещь.

— Торбен? — спросил он, не здороваясь.

— Я — его сын, Патрицио, — ответил Патрицио, насторожившись. — Что вам нужно?

Незнакомец улыбнулся. Улыбка была приятной, но в глазах мерцал холод.

— Меня зовут Лоренцо. Я пришёл с предложением. Я слышал, что ваш город процветает. Но процветание можно умножить. Я предлагаю вам партнёрство. Вложение капитала, расширение дела, доступ к новым рынкам. У меня есть связи в столице. Я могу сделать Углеград не просто городом — центром всей области.

Патрицио нахмурился. Предложение звучало заманчиво, но что-то внутри него кричало об осторожности.

— Моему отцу нужно подумать, — сказал он. — Приходите через три дня.

Лоренцо кивнул, ещё раз оглядел кузницу и вышел. Его шаги затихли на мостовой.

В тот вечер Торбен сидел за столом, разглядывая бумаги, которые принёс с собой Лоренцо. Договор был длинным, исписан мелким почерком. Многие пункты были написаны таким сложным языком, что даже опытный купец мог бы запутаться.

— Что скажешь? — спросил Торбен, потирая переносицу.

— Слишком щедро, — ответил Патрицио. — Я ещё не встречал купца, который предлагал бы так много без скрытых условий.

— Но может быть, он просто видит потенциал? — возразил Торбен. — Мы не можем вечно оставаться маленьким городом. Если мы хотим помогать людям, нам нужно расти. Нужны ресурсы, нужны связи.

Патрицио вздохнул. Он понимал логику отца, но интуиция была тревогу.

— Я прошу тебя: дай мне время изучить договор. Я найду того, кто разбирается в законах лучше нас.

— Хорошо, — согласился Торбен. — Но не медли. Лоренцо сказал, что предложение действует только месяц.

Той ночью Патрицио долго сидел над бумагами при свете свечи. Он перечитывал каждую строчку, пытаясь найти подвох. Но всё выглядело безупречно. Даже слишком.

— Что ты скрываешь, Лоренцо? — прошептал он в тишине.

Ответа не было. Только угли догорали в печи, и за окном завывал ветер.

Они не знали тогда, что этот договор станет началом их самого тёмного часа.

Глава 3. Цена доверия

Лоренцо вошёл в жизнь Углеграда, как вода входит в сухую землю — быстро, жадно и необратимо.

Первые недели он был само обаяние. Он появлялся на каждой ярмарке, здоровался с каждым кузнецом за руку, помнил имена детей и спрашивал о здоровье стариков. Он платил за ремонт дорог, не требуя отчёта. Он подарил городу новые фонари, которые горели до самого рассвета. Люди начали говорить, что Лоренцо — благословение, посланное небесами.

— Ты видишь? — говорил Торбен сыну, указывая на новые фонари. — Он не просто даёт деньги, он вкладывает душу. Может быть, я ошибался, и в мире ещё есть бескорыстные люди.

Патрицио молчал. Он видел то же, что и отец, но чувствовал другое. Слишком много улыбок. Слишком много обещаний. В мире, где он вырос, доброта была скромной. Она не требовала внимания. Она не разбрасывалась золотом, как семенами. Она просто делала своё дело тихо, без фанфар.

Лоренцо делал всё громко. И это настораживало.

Однажды вечером, когда город уже засыпал, Патрицио застал Лоренцо у ратуши в разговоре с советником по земельным вопросам. Их голоса были тихи, но Патрицио заметил, как Лоренцо вложил в руку советника что-то, что блеснуло

в лунном свете.

— Это был монета? — спросил он себя. — Или что-то другое?

Он не стал подходить. Вместо этого он развернулся и пошёл домой, обдумывая, что делать дальше.

—

Тем временем Лоренцо начал активно расширять своё влияние. Он открыл в Углеграде торговый дом, который занимался скупкой и перепродажей металла. Цены на железо, которое раньше было доступным, вдруг начали расти. Местные кузнецы вздыхали, но терпели: Лоренцо объяснял это "рыночными колебаниями" и обещал, что скоро всё устаканится.

— Мы расширяемся, — говорил он на городском собрании, стоя перед толпой. — Мы входим на большие рынки. Углеград станет известен во всей стране. Но чтобы это произошло, нам нужно временно перетерпеть трудности. Я лично гарантирую, что через год цены вернутся к прежнему уровню.

Толпа зааплодировала. Только несколько человек, среди которых был и Патрицио, не хлопали. Они переглядывались и молчали.

— Лоренцо — хороший оратор, — сказал Торбен, когда они шли домой после собрания. — Но меня беспокоит одна вещь. Он говорит, что берёт на себя риски. Но я нигде не вижу, чтобы он что-то терял.

— Он теряет время, — усмехнулся Патрицио. — И вкладывает деньги. Но я тоже не понимаю, откуда у него столько золота. Он не торгует, он не производит, он просто перекладывает вещи с места на место. Как это может приносить прибыль?

Торбен пожал плечами.

— Может быть, он действительно гениальный делец. Я знаю, что ты не доверяешь ему, сын. Но дай ему шанс. Если он нас обманет — мы разберёмся. Мы сильные люди.

Патрицио не ответил. Он чувствовал, что надвигается гроза, но не мог объяснить отцу, почему. Это было похоже на ощущение, когда перед бурей в воздухе появляется странная тяжесть, которую не видят глаза, но чувствует кожа.

—

Прошёл месяц. Лоренцо пригласил Торбена и Патрицио на ужин в свой новый дом — трёхэтажное здание, которое он построил на месте старого склада. Внутри всё сияло: паркет, хрустальные люстры, серебряная посуда. Слуги в белых перчатках подавали блюда, которых Патрицио никогда раньше не видел: заморские фрукты, дичь, изысканное вино в бокалах с ножками, тонкими, как соломинки.

— Вы живёте как король, — заметил Торбен, с уважением разглядывая интерьер.

Лоренцо улыбнулся своей постоянной улыбкой.

— Я просто люблю красивые вещи, мой друг. Но красота — не цель, а инструмент. Когда люди видят успех, они хотят

быть его частью. А когда они хотят быть его частью — они работают усерднее. Это и есть мой секрет.

Он поднял бокал.

— За Углеград. За то, чтобы он стал столицей процветания!

Торбен поднял бокал. Патрицио сделал то же самое, но вина не коснулся. Он наблюдал. И видел, как Лоренцо смотрит на отца — с лёгкой насмешкой, которую скрывали вежливость и широкая улыбка.

После ужина, когда слуги убрали посуду, Лоренцо вытащил на стол новый договор. Он был написан более чётко, чем предыдущий, но всё ещё содержал множество пунктов, написанных мелким шрифтом.

— Я хочу предложить вам официальное партнёрство, — сказал он, кладя перо перед Торбеном. — Мы разделим прибыль пополам. Но я даю вам больше, чем прибыль. Я даю вам доступ к моим сетям. К моим людям. К рынкам, о которых вы даже не слышали.

Торбен взял перо. Его пальцы дрожали — не от волнения, а от возраста. Но глаза горели.

— Я подпишу, — сказал он. — Но с одним условием: мы оставляем за собой право на местную торговлю. Мы не будем продавать монополию.

— Конечно, — кивнул Лоренцо. — Всё по справедливости.

Он повернулся к Патрицио.

— Вы не хотите присоединиться, юноша? Вы так молчаливы. Вам не по душе мой ужин?

— Ваш ужин прекрасен, — ответил Патрицио с холодной вежливостью. — Но я предпочитаю разбираться в делах, а не в винах.

Лоренцо рассмеялся — громко, но как-то неискренне.

— Я вижу, вы пошли в отца. Трудяга. Хорошо! Труженики всегда нужны миру. Но, знаете, Патрицио, иногда один умный человек может сделать больше, чем сто тружеников. Вы не думали об этом?

— Иногда, — ответил Патрицио, глядя прямо в глаза Лоренцо. — А иногда один умный человек может разрушить всё, что сто тружеников строили годами.

В комнате повисла тишина. Торбен поднял брови. Лоренцо улыбнулся, но на этот раз улыбка не коснулась его глаз.

— Какое красноречие! — сказал он, разбивая тишину. — Из вас вышел бы отличный переговорщик. Мы ещё побеседуем, молодой человек. Обязательно побеседуем.

—

Вернувшись домой, Торбен выглядел задумчивым. Он сел у камина и долго смотрел на пламя, не говоря ни слова.

— Ты был груб с ним, — наконец сказал он. — Лоренцо — наш партнёр. Мы должны быть дипломатичными.

— Он не наш партнёр, — жёстко ответил Патрицио. — Он использует нас. Я видел, как он давал взятку советнику. Я видел, как он перекупал товары у наших поставщиков. Он

делает нас зависимыми, отец. Он хочет взять нас под контроль.

Торбен провёл рукой по седой голове.

— А что мы можем сделать? Мы подписали договор. У нас нет денег, чтобы разорвать его. Мы будем банкротами.

— Мы можем не участвовать в его авантюрах. Мы можем сказать «нет», когда он предложит нам сомнительные сделки. Мы можем предупредить город.

— И потерять всё? — спросил Торбен. — Ты хочешь, чтобы мы потеряли репутацию? Люди уважают нас. Если мы начнём обвинять Лоренцо без доказательств, они перестанут верить нам. Это — конец.

Патрицио замолчал. Он знал, что отец прав, но всё внутри него кричало: «Беги, пока не поздно».

Той ночью он долго не спал. Он смотрел на луну, которая плыла по небу, закрываясь облаками, и думал о том, что доверие — это хрупкая вещь. Её можно разрушить одним ударом, но восстановить её — годы, а иногда и целая жизнь.

— Я не позволю ему разрушить наш город, — прошептал он. — Клянусь.

—

На следующее утро Патрицио отправился в городскую библиотеку — небольшое здание, где хранились старые свитки и книги. Там он надеялся найти информацию о подобных схемах. О том, как ловкие дельцы захватывают города, используя красивые слова и пустые обещания.

И он нашёл.

Одна из древних книг, написанная сто лет назад, описывала именно такую стратегию. Она называлась «Искусство мягкого завоевания». Автор писал: «Сначала ты даёшь им свет. Потом ты забираешь у них огонь. И когда они остаются в темноте — они просят тебя зажечь свечу. И ты зажигаешь её, но уже на своих условиях».

Патрицио закрыл книгу. Его руки дрожали.

— Лоренцо, — прошептал он. — Ты делаешь именно это.

Он вышел из библиотеки навстречу новому дню. Город жил своей жизнью: дети бегали по улицам, женщины несли корзины с хлебом, мужчины шли на работы. Они не знали, что над ними нависла тень. Или не хотели знать.

Патрицио решил, что он должен сделать всё, чтобы их предупредить. Но сначала ему нужно было найти союзников. Тех, кто тоже видел правду. И он знал, где их искать.

— Конечно, — сказал он себе. — Я пойду к старым мастерам. Они не любят чужаков с деньгами. Они любят свои руки и свой труд.

Он направился в южный квартал, где жили самые старые кузнецы города, те, кто помнил, как Углеград строился на пустом месте. Возможно, они станут его опорой.

А за его спиной, в кабинете с хрустальными люстрами, Лоренцо смотрел ему вслед, стоя у окна. Он улыбнулся — на этот раз той самой хищной улыбкой, которую прятал от всех.

— Иди, маленький борец, — прошептал он. — Иди. Со-

бери армию. Но ты не знаешь главного: я уже выиграл эту битву.

Глава 4. Мелкий шрифт

Старые мастера южного квартала приняли Патрицио с настороженным теплом. Они помнили его мальчишкой, бегающим по кузницам с угольной пылью на щеках. Они помнили его отца — человека, который не дал им умереть с голоду в суровый год, когда град уничтожил урожай, а торговые пути перекрыла война.

— Садись, сын Торбена, — сказал старый Гуннар, чьи руки были покрыты шрамами от ожогов. — Рассказывай, что тревожит твоё сердце.

Патрицио сел на табурет у остывающей кузницы. Он смотрел на этих людей — на их седые бороды, на их уставшие, но умные глаза. Они не были богаты. Но они были честны. И это было важнее золота.

— Лоренцо — не друг, — начал он прямо. — Он использует город. Он даёт нам свет, чтобы потом оставить нас в темноте. Я читал о таких схемах. Сначала он становится незаменимым, потом он забирает контроль, а потом он диктует условия.

Гуннар покачал головой.

— Мы знаем, сынок. Мы всё знаем. Но что мы можем сделать? Мы — старики. Мы не умеем торговаться с такими, как Лоренцо. Он говорит красиво. У него есть связи. Если мы выступим против него — нас просто раздавят.

— Я не прошу вас выступать против него прямо сейчас, — ответил Патрицио. — Я прошу вас: будьте внимательны. Записывайте всё, что он делает. Каждую сделку, каждое обещание, каждое движение его людей. Когда придёт время — у нас будут доказательства.

Мастера переглянулись.

— Мы сделаем это, — сказал Гуннар, и его голос прозвучал твёрже, чем раньше. — Ради Углеграда. Ради твоего отца. Мы сделаем это.

—

Прошло ещё две недели. Лоренцо продолжал расширять своё влияние. Он открыл новый склад для хранения металла, нанял десятки рабочих из соседних деревень, начал скупать землю вокруг города. Цены на всё росли. Хлеб, который раньше стоил одну монету, теперь стоил три. Люди начинали ворчать, но Лоренцо быстро успокаивал их: он раздавал небольшие подачки, устраивал ярмарки с бесплатным вином, обещал золотые горы.

— Мы просто переживаем трудный период, — говорил он на каждом углу. — Скоро всё наладится. Ещё немного терпения.

Но Патрицио видел правду. Он видел, как в город входят странные люди — крепкие парни с короткими ножами под плащами. Они не работали. Они просто стояли на улицах, наблюдая, и исчезали в здании Лоренцо. Это были его "охранники", как он их называл. Но Патрицио знал: это была

его армия.

Однажды ночью, когда Патрицио возвращался от Гуннара, его перехватили двое таких парней.

— Тебя ждёт Лоренцо, — сказал один из них. — Немедленно.

Патрицио не стал сопротивляться. Он пошёл с ними, чувствуя холодную сталь у своего ребра — не угрозу, а напоминание.

Лоренцо ждал его в своём кабинете, освещённом свечами. Он сидел в кресле, похожий на паука в центре паутины, и перебирал бумаги.

— Садись, Патрицио, — сказал он, не поднимая глаз. — Мы поговорим.

Патрицио сел напротив него. Он не боялся. Нет, он чувствовал холодный гнев, который делал его мысли ясными, а взгляд — острым.

— Что тебе нужно? — спросил он.

Лоренцо отложил бумаги и посмотрел на него. Его глаза блестели в свете свечей.

— Мне нужно, чтобы ты перестал играть в героя. Ты ходишь по мастерским, шепчешься со стариками, собираешь доказательства. Ты думаешь, я не знаю? Я всё знаю, Патрицио. Я знаю каждый твой шаг.

— Тогда ты знаешь, что я не остановлюсь, — ответил Патрицио.

— Я знаю, — кивнул Лоренцо, и его улыбка стала шире.

— Но вот чего ты не знаешь, так это того, что я уже победил. Твой отец подписал договор, который делает меня совладельцем всех земель, прилегающих к шахтам. Я не просто покупаю железо, Патрицио. Я покупаю право решать, кто его добывает.

Он протянул Патрицио один из листов бумаги. Это была копия договора, который Торбен подписал на том самом ужине.

— Посмотри на пункт девятнадцать, — сказал Лоренцо. — Там написано мелким шрифтом. Но именно он — главный.

Патрицио прочитал. Буквы плыли перед глазами, но смысл был понятен: Торбен передавал Лоренцо право управления шахтами в случае "форс-мажорных обстоятельств", которые включали "экономическую нестабильность". А кто определял эту самую нестабильность? Конечно, Лоренцо.

— Ты обманул его, — сказал Патрицио, положив бумагу на стол. — Ты дал ему красивый договор, а подсунул кабалу.

— Я дал ему то, что он хотел, — ответил Лоренцо, откидываясь на спинку кресла. — Он хотел партнёрства. Он получил партнёрство. Но вот, понимаешь, в партнёрстве один всегда сильнее. А сильнее тот, у кого есть ресурсы, информация и связи. У меня всё это есть.

Он встал и подошёл к окну.

— Углеград — хороший город. Я не хочу его разрушать. Я хочу им управлять. Но так, чтобы люди не бунтовали. А

ты, Патрицио, ты можешь помочь мне или помешать. Если ты поможешь — ты станешь моим заместителем. Ты будешь жить в этом доме, есть за этим столом, носить этот бархат. Если помешаешь — я обвиню твоего отца в финансовых махинациях, и его посадят в тюрьму. Выбор за тобой.

Патрицио сидел неподвижно. Внутри него бушевал шторм, но снаружи он оставался спокойным. Он знал, что если сейчас покажет слабость — всё будет кончено.

— У меня есть условие, — сказал он. — Прежде чем я отвечу, я должен поговорить с отцом.

— Поговори, — разрешил Лоренцо, усмехнувшись. — Время у тебя есть до завтрашнего вечера. Но помни, Патрицио: я не шучу. Ты видел моих людей. Ты знаешь, что я могу.

—

Патрицио вышел на улицу. Ночь была холодной, и луна скрылась за тучами. Он шёл по пустым улицам Углеграда — города, который он любил, города, который он хотел спасти. И он понял, что единственный способ победить Лоренцо — это не бороться с ним напрямую, а переиграть. Нужно было найти третий путь. Такой, о котором Лоренцо даже не догадывался.

Он пришёл домой. Торбен сидел в темноте и ждал его.

— Ты знаешь? — спросил Патрицио.

— Знаю, — ответил Торбен. — Он прислал мне копию. Я сам во всём виноват. Я поверил красивым словам и не прочитал то, что было написано мелко.

— Это не твоя вина, — сказал Патрицио, садясь рядом с отцом. — Это то, что делают такие, как он. Но мы не сдадимся.

— Что ты задумал, сын? — спросил Торбен, всматриваясь в лицо Патрицио. — Я знаю этот взгляд. Ты что-то задумал.

— Я задумал, — ответил Патрицио. — Но сначала мне нужно знать, готов ли ты, отец. Я могу всё потерять. И ты можешь всё потерять.

Торбен улыбнулся в темноте.

— Сын мой, я уже всё потерял в тот момент, когда подписал этот договор. Но я не потерял свою честь. И я не потерял свою веру в тебя. Делай что должен.

Патрицио сжал руку отца.

— Мы не проиграем, — сказал он. — Мы не проиграем.

На следующее утро Патрицио пошёл не к Лоренцо, а к Элине.

Элина была дочерью старого библиотекаря, девушкой с тёплыми глазами и острым умом. Она была единственным человеком в городе, кто знал не только торговые законы, но и законы духовные — старые традиции, которые передавались устно из поколения в поколение. Она управляла школой для сирот, где учила детей читать и писать, и относилась к каждому ребёнку как к родному.

— Ты выглядишь усталым, — сказала она, когда он вошёл в маленький домик, примыкающий к школе. — Что случи-

лось?

Патрицио рассказал ей всё. О договоре, о Лоренцо, об угрозе тюрьмы для отца, о выборе, который ему предложили.

Элина слушала молча. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах читалась тревога. Когда он закончил, она сказала:

— У Лоренцо нет права на шахты. Есть одна старая бумага, которую он не учёл. Это городской устав, подписанный ещё основателями Углеграда. В нём говорится, что земля вокруг шахт не может быть продана чужакам. Только тем, кто живёт в городе не меньше десяти лет, и кто владеет ремеслом. Ты соответствуешь этим условиям. Твой отец — тоже.

Патрицио поднял голову.

— Ты уверена?

— Я нашла эту бумагу в библиотеке три года назад, — сказала Элина. — Тогда я подумала, что это просто исторический документ. Но теперь я вижу, что это наш шанс. Нам нужно показать её Городскому Совету.

— Совет контролируется Лоренцо, — возразил Патрицио. — Они уже у него в кармане.

— Не все, — ответила Элина. — Есть один человек, который ещё не продался. Это судья по имени Рено. Он старый и честный. Он не любит, когда законы нарушают. Если ты принесёшь ему эту бумагу, он сможет остановить Лоренцо.

Патрицио обнял Элину. Впервые за много дней он чувствовал надежду.

— Спасибо, — сказал он. — Я не знаю, что бы я делал без тебя.

— Ты бы что-то придумал, — улыбнулась она. — Ты всегда что-то придумываешь.

—

В тот же вечер Патрицио отправился к судье Рено. Старик жил на окраине города, в скромном доме с садом, который он сам же и возделывал. Он был известен своей честностью и независимостью. Никто никогда не видел его берущим взятки.

Патрицио постучал в дверь. Через несколько минут дверь открылась, и на пороге появился судья — худой, высокий человек с седой бородой и пронизательными глазами.

— Патрицио, сын Торбена, — сказал он. — Входи. Я знаю, зачем ты пришёл.

Патрицио удивился.

— Откуда вы знаете?

— У меня свои источники, — усмехнулся судья. — Старые мастера южного квартала любят поболтать. Особенно когда речь идёт о несправедливости. Но прежде чем я посмотрю то, что ты мне принёс, скажи: ты готов идти до конца?

— Я готов, — ответил Патрицио.

— Даже если это будет стоить тебе всего, что у тебя есть?

— Даже тогда.

Судья Рено взял бумагу, которую Патрицио протянул ему.

Он прочитал её медленно, внимательно, перечитывая каждую строчку. Потом поднял глаза.

— Эта бумага — законная. Она аннулирует договор Лоренцо, потому что он противоречит городскому уставу. Но чтобы ввести её в силу, нам нужно собрать Совет и зачитать устав вслух.

— Лоренцо помешает, — сказал Патрицио.

— Пусть помешает, — ответил судья. — Если он попытается силой остановить заседание Совета, это будет явным нарушением закона. И тогда его арестуют. Вопрос в том, сможем ли мы собрать достаточно людей, чтобы противостоять его охране?

Патрицио задумался.

— У нас есть старые мастера, — сказал он. — У нас есть кузнецы, кожевники, плотники. Если они встанут за нас — нас будет больше, чем его людей.

— Тогда действуй, — сказал судья. — Завтра утром я назначаю внеочередное заседание Совета. Приводи своих людей. И молитесь, чтобы у нас получилось.

Ночь перед заседанием была самой длинной в жизни Патрицио. Он не спал. Он ходил по дому, проверяя, всё ли готово. Торбен, ослабевший от болезни, но упрямый, сидел в кресле и смотрел на сына.

— Ты изменился, — сказал он. — Ты больше не мальчик.

Ты мужчина, который ведёт своих людей в бой.

— Я просто делаю то, чему ты меня научил, — ответил Патрицио. — Я не позволяю демону победить.

На рассвете они вышли из дома. На улице уже собирались люди — старые мастера, их ученики, женщины, которые пришли поддержать их. Они были разными, но их объединяло одно: они любили свой город и не хотели отдавать его в руки лжеца.

Патрицио встал перед ними. В его руках был старый свиток — устав Углеграда, который стал их оружием.

— Друзья, — сказал он, и голос его звучал громко, разносясь по площади. — Сегодня мы сражаемся не за деньги. Мы сражаемся за наш дом. За наше право работать, создавать и жить по справедливости. Лоренцо попытается нас остановить. Он попытается нас запугать. Но мы не боимся. Потому что правда на нашей стороне.

Толпа ответила ему гулким одобрением.

— Мы пойдём к ратуше, — продолжил Патрицио. — Мы зачитаем устав. Мы покажем, что Лоренцо нарушил закон. И мы вернём себе Углеград.

— Вернём! — закричали люди.

Они двинулись вперёд — плечом к плечу, как армия свободных людей. И Патрицио шёл во главе их, чувствуя на своих плечах тяжесть ответственности и лёгкость надежды.

Впереди ждала битва. Не с мечами, а с правдой. И он знал, что это самая важная битва в его жизни.

Глава 5. День, когда остановились печи

Толпа двинулась к ратуше, как река, которая прорвала плотину. Патрицио шёл впереди, сжимая в руках старый свиток. За его спиной шагали мастера — Гуннар, сжимающий кузнечный молот, хотя и не собирающийся им бить; старый кожевник Эдвард, чьи руки пахли дубильной корой; и десятки других, чьи лица были решительными.

— Он уже знает, — сказал Гуннар, подходя ближе. — Я видел его людей, они бегают по переулкам, как крысы.

— Пусть бегают, — ответил Патрицио. — Мы не прячемся.

У входа в ратушу их уже ждали. Охранники Лоренцо стояли в два ряда, образовав живую стену. Их лица были каменными, руки лежали на рукоятках ножей, но оружие пока оставалось в ножнах.

За ними, на ступенях ратуши, стоял сам Лоренцо. Он был одет в свой лучший бархатный костюм, на пальцах сверкали перстни. Улыбка, которая казалась всем такой дружелюбной, теперь выглядела как оскал хищника.

— Патрицио, — сказал он, раскинув руки в приветственном жесте. — Ты решил устроить праздник? Я вижу, ты привёл много гостей. Жаль, что я не успел подготовить угощение.

Патрицио остановился в нескольких шагах от охранников. Его голос был твёрд, как сталь, которую он ковал в кузнице отца.

— Мы пришли не за угощением, Лоренцо. Мы пришли за правдой. Углеград принадлежит его жителям. Ты не имеешь права захватывать шахты и диктовать цены. Устав города за-
прещает это.

Он поднял свиток так, чтобы все видели.

— Вот старый устав, подписанный основателями. В нём ясно сказано: земля и ресурсы принадлежат тем, кто живёт и работает здесь не меньше десяти лет. Ты в этом городе — чужак. Твой договор недействителен.

Лоренцо засмеялся — громко, с ноткой презрения.

— Старый устав? Патрицио, ты наивен. Те бумаги ничего не значат. Устав можно переписать. Совет уже принял новое решение, которое даёт мне право на управление шахтами. У тебя ничего нет.

— Решение Совета было подкуплено тобой! — крикнула из толпы Элина. — Ты дал взятки советникам!

Лоренцо посмотрел на неё с холодной усмешкой.

— Милая барышня, обвинения требуют доказательств. У вас есть доказательства?

Патрицио шагнул вперёд.

— У нас есть свидетели. И мы готовы зачитать устав перед всем Советом. Пусть они решают, что законно, а что нет.

Лоренцо на секунду замолчал. Его глаза сузились, улыбка

исчезла. Он понял, что Патрицио не блефует. Толпа стояла за ним, и эта толпа была слишком большой, чтобы просто разогнать её.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Пусть будет Совет. Но знай, Патрицио: ты не выиграешь. У меня есть друзья в этом городе. И они не позволят тебе просто так взять и разрушить то, что я построил.

Он сделал знак своим охранникам, и те расступились. Толпа начала двигаться внутрь ратуши. Патрицио первым поднялся по ступеням. Проходя мимо Лоренцо, он услышал его шёпот:

— Ты совершаешь ошибку, мальчик.

— Я совершаю не ошибку, — ответил Патрицио, не оборачиваясь. — Я совершаю свой долг.

—

Зал Совета был заполнен до краёв. Люди стояли в проходах, сидели на полу, прижимались к стенам. Члены Совета сидели за длинным столом, их лица были напряжёнными. Они чувствовали, что сегодня что-то изменится.

Судья Рено занял своё место во главе стола. Он выглядел спокойным, но в его глазах читалась решимость.

— Заседание Городского Совета объявляется открытым, — произнёс он громким голосом. — Сегодня мы рассмотрим вопрос о законности договора между гражданином Торбеном и купцом Лоренцо.

Лоренцо поднялся со своего места.

— Уважаемый судья, я считаю этот вопрос не имеющим оснований. Договор был подписан добровольно, в присутствии свидетелей. В нём нет нарушений закона.

Рено покачал головой.

— Договор может быть признан недействительным, если он противоречит городскому уставу. У нас есть экземпляр устава, и я прошу зачитать его.

Патрицио подошёл к столу и положил свиток перед судьёй. Рено развернул его и начал читать вслух. Голос его звучал торжественно, и каждый пункт отзывался эхом в зале.

— ...право на землю и ресурсы имеют лишь те, кто проживает в городе не менее десяти лет и владеет ремеслом. Земля не может быть продана иностранцам или лицам, не имеющим ремесла, под страхом признания сделки недействительной...

Когда он закончил, в зале повисла тишина. Лоренцо побледнел, но взял себя в руки.

— Это устаревший документ, — сказал он. — Он был написан сто лет назад. Нынешние законы более прогрессивны.

— Но он не был отменён, — ответил Рено. — Он всё ещё действует. И по нему, Лоренцо, ты не имеешь права владеть землёй, на которой стоят шахты.

Лоренцо засмеялся, но смех прозвучал нервно.

— И что? Ты хочешь сказать, что я должен просто уйти? Оставить всё, что я построил?

— Ты построил ничего, — раздался голос Торбена. Все

обернулись. Старый кузнец стоял у входа, опираясь на палку. Его лицо было бледным, но глаза горели. — Ты ничего не создал, Лоренцо. Ты просто взял то, что уже было, и назвал своим. Но это не твоё. Это наше. Город построили мы, его люди. И мы не отдадим его тебе.

Лоренцо повернулся к нему. В его глазах вспыхнула ярость.

— Ты, старый дурак! Ты подписал договор. Ты сам отдал мне всё!

— Я подписал его, потому что верил в твои красивые слова, — ответил Торбен спокойно. — Но теперь я вижу тебя. И я отзываю своё согласие. Судья, я объявляю договор недействительным по причине обмана и давления.

Зал загудел. Члены Совета переглядывались. Рено поднял руку, призывая к тишине.

— Городской устав даёт нам право аннулировать договор, если одна из сторон признаёт его недействительным по причине обмана. Я ставлю это на голосование.

Началось голосование. Лоренцо сидел неподвижно, его лицо становилось всё более бледным. Он понимал, что проигрывает. Но проигрывать он не умел.

Когда голоса были подсчитаны, Рено объявил:

— Большинством голосов договор признаётся недействительным. Город возвращает себе права на шахты.

Зал взорвался аплодисментами. Люди кричали, обнимали друг друга. Патрицио чувствовал, как с его плеч сваливается

огромный груз.

Но Лоренцо не сдался.

Он встал, подошёл к Патрицио и сказал тихо, так, чтобы слышал только он:

— Ты думаешь, что победил? Нет, мальчик. Это только начало. У меня есть ресурсы. У меня есть связи. Я вернусь. И когда я вернусь, ты заплатишь за каждую минуту этого позора.

Он вышел из зала, не оглядываясь. Его охранники последовали за ним.

Патрицио смотрел ему вслед. Он знал, что Лоренцо не врёт. Он вернётся. Но сегодня была победа. Маленькая, но настоящая.

— Мы сделали это, — сказал он, поворачиваясь к отцу.
— Мы спасли город.

Торбен улыбнулся, но его улыбка была слабой.

— Нет, сын, — сказал он, и его голос внезапно стал хриплым. — Это ты спас город. Ты и твоя вера. А я... я слишком стар для таких битв.

Он покачнулся. Патрицио подхватил его, чувствуя, как тело отца становится тяжёлым.

— Отец! Отец!

Торбен закрыл глаза. Его лицо побледнело ещё сильнее.

— Я устал, сын. Позволь мне отдохнуть.

Патрицио крикнул:

— Врача! Срочно врача!

Но он знал, что болезнь, которая давно сидела в отце, не отступает. Она ждала, пока напряжение отпустит. И теперь она нанесла свой удар.

Торбена положили в постель. Врач, старый лекарь по имени Симон, покачал головой.

— Ему нужен покой, — сказал он. — И лекарства. Дорогие лекарства, которые я не могу найти в Углеграде. Их привозят из столицы. Они стоят больше, чем мы можем собрать.

Патрицио сидел у постели отца. Руки его дрожали. Он только что выиграл битву за город, но чувствовал себя побеждённым.

— Сколько? — спросил он. — Сколько стоят лекарства?

— Сто золотых, — ответил Симон. — Никак не меньше. И достать их нужно в течение недели.

Сто золотых. Это была сумма, которую не мог собрать весь Углеград. Патрицио знал, что в казне города осталось лишь несколько десятков монет. Лоренцо выкачал все ресурсы.

— Я найду деньги, — сказал Патрицио. — Я не дам ему умереть.

Он вышел на улицу. Город праздновал победу. Люди танцевали, пели, пили вино. Но Патрицио не разделял их радости. Он смотрел на огни и думал о том, как легко радость превращается в горе.

Элина нашла его на площади, сидящим на ступенях ратуши.

— Я слышала об отце, — сказала она, садясь рядом. — Я принесла тебе немного хлеба и супа. Ты должен поесть.

— Я не могу, — ответил Патрицио. — Ему нужны лекарства. Сто золотых. У нас их нет.

Элина посмотрела на него с сочувствием.

— У меня есть немного денег, — сказала она. — Не сто, но я могу продать некоторые книги из библиотеки. Они старые. Коллекционеры любят такое.

— Нет, — твёрдо сказал Патрицио. — Я не возьму твои книги. Это твоё наследие.

— Патрицио, — сказала она, взяв его за руку. — Ты спас наш город. Ты спас всех нас. Позволь мне помочь тебе спасти твоего отца. Это не жертва. Это справедливость.

Патрицио посмотрел в её глаза. В них была та же твёрдость, которую он видел в глазах отца. И он понял: он не один.

— Спасибо, — прошептал он. — Я не знаю, что бы я делал без тебя.

— Ты бы просто продолжал бороться, — улыбнулась она. — Это то, что ты умеешь лучше всего.

—

Они начали собирать деньги. Патрицио продал всё, что имел: инструменты, старые вещи, даже свой лучший кожаный фартук, который носил десять лет. Люди узнали о беде

и начали приносить деньги, кто сколько мог. Медные монеты, старые серебряные броши, даже драгоценности, которые хранили в семьях поколениями.

За неделю они собрали почти семьдесят золотых. Но до ста не хватало.

Патрицио стоял перед кузницей, опустошённый и уставший. Он знал, что время уходит. Отец слабел с каждым днём.

И тогда он принял решение.

Он пошёл к старому Гуннару.

— Я хочу попросить тебя об одном, — сказал он. — Ты продал свою мастерскую пять лет назад. Я знаю, у тебя есть деньги. Я отдам тебе всё, что у меня останется. Дом, землю, всё. Только дай мне займы недостающую сумму.

Гуннар посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты готов отдать всё, что у тебя есть, ради отца?

— Я готов отдать всё, что у меня есть, ради того, чтобы он жил, — ответил Патрицио.

Гуннар кивнул.

— Я дам тебе деньги, Патрицио. Но не в долг. Я дарю их тебе. Твой отец спас моего сына когда-то. Я не забыл этого.

Он вытащил кожаный мешочек и положил его в руки Патрицио.

— Здесь тридцать золотых. Возьми и не думай о возврате.

Патрицио хотел возразить, но Гуннар поднял руку:

— Не спорь, мальчик. Иди и спасай своего отца. А мы сохраним твой дом и твоё дело. Город не позволит тебе поте-

рять всё.

На следующий день Патрицио отправился в столицу за лекарствами. Дорога заняла три дня. Он не спал, почти не ел. В его голове билась одна мысль: «Успеть, успеть, успеть...»

Когда он вернулся, отец был в очень тяжёлом состоянии. Лекарь Симон приготовил настой, дал его Торбену. И наступило ожидание.

Патрицио сидел у постели отца три дня и три ночи. Он держал его руку и слушал дыхание. Дыхание, которое становилось то глубже, то снова прерывистым.

На четвёртый день Торбен открыл глаза.

— Ты здесь, — прошептал он.

— Я здесь, — ответил Патрицио. — Я всегда здесь.

— Сын, — сказал Торбен слабым голосом. — Ты спас меня. Ты спас город. Но я хочу, чтобы ты знал одну вещь. Битва с бедностью — это не одна битва. Это тысячи. Каждый день, каждый час. Ты готов к этому?

— Я готов, — ответил Патрицио, сжимая руку отца. — Я не остановлюсь, пока демон не будет побеждён.

Торбен улыбнулся. Впервые за долгие недели его улыбка была искренней.

— Тогда иди, сын. Иди и сделай мир лучше. Я буду с тобой, даже когда меня не будет.

Он закрыл глаза и снова уснул — но теперь сон его был спокойным. Он поправлялся.

Патрицио вышел на крыльцо. Над Углеградом вставало солнце, разгоняя утренний туман. Город просыпался. И Патрицио смотрел на него с новой верой.

Он победил в первой битве. Но он знал, что это только начало.

Глава 6. Болезнь отца

Торбен поправлялся медленно. Очень медленно. Дни, когда он мог подняться с постели и дойти до кузницы, сменялись днями, когда он не мог даже поднять кружку с водой. Лекарь Симон говорил, что это нормально: старость, перенесённый стресс, удар по сердцу — всё это требовало времени.

Но Патрицио видел больше, чем лекарь.

Он видел, как отец смотрит в потолок, когда думает, что никто не видит. Он видел, как руки Торбена, когда-то сильные и уверенные, теперь дрожали, когда он пытался сжать их в кулак. Он видел, как старый кузнец борется не с болезнью, а с чувством собственной беспомощности.

— Ты слишком много лежишь, отец, — сказал ему однажды Патрицио, входя в комнату с чашкой бульона. — Тебе нужно больше двигаться.

Торбен повернул голову. Его глаза, всё ещё живые, посмотрели на сына с лёгкой усмешкой.

— Я думал, что лекарь сказал мне отдыхать, — прохрипел он.

— Отдыхать — да, — согласился Патрицио, садясь рядом. — Но не умирать, лёжа в постели. Ты кузнец, отец. Твоё тело привыкло к работе. Оно не знает, что делать с покоем.

Торбен тихо засмеялся, но смех тут же перешёл в кашель.

— Когда ты стал таким мудрым, сын?

— Когда мне пришлось стать старше тебя, — ответил Патрицио, накрывая отца одеялом.

Торбен замолчал. Он смотрел на сына долгим взглядом, и в его глазах читалась странная смесь гордости и печали.

— Ты знаешь, что я не поправлюсь полностью, — сказал он наконец.

— Не говори так, — резко перебил Патрицио.

— Я говорю правду, — продолжил Торбен, и голос его стал твёрже, несмотря на слабость. — Мне семьдесят два года, сын. Я работал каждый день, с тех пор как мне исполнилось семь. Моё тело изнашивалось. Оно честно отработало своё. Теперь оно хочет отдохнуть. И я хочу, чтобы ты это принял.

Патрицио опустил голову. Он знал, что отец прав, но слышать это было всё равно что слушать приговор.

— Я не готов тебя потерять, — прошептал он.

— Ты не теряешь меня, — ответил Торбен. — Ты меняешь форму моей жизни. Я всегда буду с тобой, сын. В каждом ударе молота, в каждом решении, которое ты принимаешь, в каждом городе, который ты спасаешь. Я — часть тебя.

Он протянул руку и сжал пальцы сына.

— Я хочу, чтобы ты знал: я горжусь тобой. Больше, чем чем-либо в своей жизни.

—

В тот вечер Патрицио вышел на улицу и долго сидел на крыльце, глядя в небо. Звёзды мерцали холодно и отстранён-

но, как будто они не имели никакого дела к человеческим драмам. Но Патрицио смотрел на них и думал о том, что каждая звезда — это чей-то свет. И даже если один свет угасает, другой зажигается.

Элина нашла его там, в темноте.

— Я принесла тебе ужин, — сказала она, протягивая ему миску с горячей похлёбкой. — Ты должен есть. Ты потерял слишком много веса за последние недели.

Патрицио взял миску, но не притронулся к еде.

— Ты выглядишь потерянным, — сказала Элина, садясь рядом. — Хочешь поговорить?

— Я думаю о будущем, — ответил Патрицио. — О том, что будет, когда отца не станет. Я не знаю, как жить без него.

— Ты знаешь, — сказала Элина мягко. — Ты уже живёшь. Ты — его продолжение. Разве ты не видишь?

Патрицио повернулся к ней. В темноте её глаза казались двумя маленькими угольками.

— Я боюсь, — признался он. — Не смерти. Я боюсь, что не смогу быть таким, как он. Что не смогу быть достаточно сильным.

Элина взяла его за руку.

— Ты сильнее, чем думаешь, Патрицио. Ты спас город. Ты собрал нас всех. Ты не побоялся бросить вызов Лоренцо. Ты уже стал тем, кого твой отец воспитал. Просто ты ещё не видишь этого.

Они сидели в тишине, держась за руки, и Патрицио чув-

ствовал, как тепло её ладони передаётся ему, как будто она делилась с ним своей силой.

— Я не знаю, что бы я делал без тебя, — сказал он.

— Ты бы что-то придумал, — повторила она. — Ты всегда что-то придумываешь.

—

Прошла ещё неделя. Торбен начал вставать. Он мог пройти до кухни и обратно, мог посидеть у окна, наблюдая, как город живёт своей жизнью. Но в кузницу он больше не ходил. Он знал, что его руки больше не способны держать молот так, как надо.

Однажды утром он позвал Патрицию и попросил проводить его к старому горну.

— Хочу попрощаться с ним, — сказал он.

Патрицию помог отцу дойти до кузницы. Там было тихо. Угли остыли, меха молчали, наковальня блестела в лучах утреннего солнца. Торбен подошёл к ней и положил на неё руку.

— Сколько ударов ты выдержала, — прошептал он. — Сколько клинков, сколько подков, сколько судеб. Ты моя верная подруга.

Он повернулся к сыну.

— Я хочу, чтобы ты забрал её себе. Эту наковальню. Она будет твоей, когда ты откроешь свою мастерскую — там, где бы ты ни был.

— Я никогда не открою мастерскую без тебя, — сказал

Патрицио.

— Откроешь, — ответил Торбен. — И не только одну. Ты откроешь целые города, сын. Я знаю это. Потому что ты — продолжение того, что мы начали. И это больше, чем просто кузница. Это — борьба.

Он повернулся и пошёл к выходу, опираясь на палку. У порога он остановился.

— Патрицио, — сказал он, не оборачиваясь. — Демон бедности — он не только в деньгах. Он в человеческих сердцах. Когда ты пойдёшь по миру, ты увидишь это. Но ты также увидишь, что добро — заразительно. Так же, как и зло. Твоё дело — заразить мир добром.

— Я сделаю это, — ответил Патрицио.

— Я знаю, — сказал Торбен, и в его голосе впервые за много дней прозвучала уверенность.

—

Через два месяца Торбен умер.

Это случилось утром. Он сидел у окна, смотрел, как город просыпается, и держал в руках старую фотографию — единственное изображение его покойной жены, матери Патрицио. Когда сын нашёл его, он уже не дышал.

Город оплакивал Торбена три дня. Люди несли цветы, стояли в очереди, чтобы попрощаться. Даже те, кто не знал его лично, приходили отдать дань уважения — потому что Торбен был символом того, что такое Углеград.

Патрицио стоял рядом с гробом и не плакал. Он чувство-

вал внутри себя странную пустоту, которая не заполнялась ни горем, ни облегчением. Он просто стоял и смотрел на лицо отца, которое казалось спокойным и молодым, несмотря на морщины.

— Ты был лучшим человеком, которого я знал, — прошептал он. — И я сделаю всё, чтобы твоя память жила.

Когда процессия двинулась к кладбищу, Патрицио шёл первым. За ним шли сотни людей — старые мастера, их семьи, Элина, дети из школы, Гуннар, судья Рено. Они шли молча, потому что слова были излишними.

У могилы Патрицио поднял голову и сказал громко, чтобы все слышали:

— Мой отец учил меня, что человек силён не деньгами, не властью, а своей честностью и готовностью работать. Он учил меня, что бедность — это не проклятие, а призыв к действию. Я клянусь перед вами, перед этим городом, перед его памятью: я продолжу его дело. Я буду бороться с демоном бедности до тех пор, пока есть хотя бы один человек, который страдает от голода или несправедливости.

Толпа ответила ему одобрительным гулом.

— Мы с тобой, Патрицио! — крикнул Гуннар. — Всегда!

—

После похорон Патрицио вернулся в кузницу. Она была пуста. Но в ней витал дух отца. Патрицио подошёл к наковальне — той самой, которую Торбен подарил ему. Он провёл рукой по её поверхности, холодной и гладкой.

— Я не подведу тебя, — сказал он. — Я сделаю мир лучше. Честно. Трудно. Но верно.

Он вышел на улицу. Углеград жил. Город восстанавливался. И Патрицио знал, что это — только начало.

Глава 7. Последняя ночь отчаяния

Дом опустел.

Патрицио стоял посреди комнаты, где ещё пахло травами, которыми лекарь Симон окуривал стены, где ещё слышался скрип кресла, в котором отец любил сидеть у окна, где каждый угол хранил память о голосе, который теперь замолк навсегда. Тишина давила на уши, как вода на глубине. Она была плотной, тягучей, почти осязаемой.

Патрицио прошёл в кузницу. Она была холодной. Горн не горел уже две недели — с тех пор, как Торбен перестал вставать с постели. Меха висели неподвижно, как мёртвые птицы. Инструменты лежали на своих местах, но они больше не ждали рук хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.